

Он был известным в России государственным деятелем, прошёл все ступени служебной лестницы от делопроизводителя в чине титулярного советника до секретаря Государственного Совета в чине тайного советника. Получал в подарок табакерки от двух императоров, Российского Павла I и французского Бонапарта. Наполеон, преподнося Сперанскому бриллиантовую табакерку со своим портретом, обращался к Александру I: «Не угодно ли Вам, Государь, променять этого человека на какое-нибудь королевство». В 1808 году Сперанский участвовал в переговорах Александра I и Бонапарта в Эрфурте, где Французский император назвал Михаила Михайловича единственно светлой головой в России. П. А. Вяземский, вторя Наполеону, писал: «Сперанский был ум светлый, гибкий, восприимчивый». Уже в 1809 году Российскому императору был предложен «План государственного преобразования графа Сперанского». Сперанский предложил «обустроить Россию». План государственного переустройства начинался с первой российской конституции. (Другой выдающийся бюрократ граф Сергей Витте ровно через сто лет заставил всё-таки последнего монарха её принять). Вводилась выборность в распорядительные и исполнительные органы власти. За Сперанским закрепилась слава реформатора, хотя он был сыном деревенского священника, «поповичем и семинаристом».

Дед графа, Василий Михайлов, – священник, Отец Михайло Васильев, – настоятель церкви села Черкутино, Владимирской губернии. Дед по матери, Фёдор Никитин, – дьякон церкви села Скоморолова. Михайло Михайлович очень

почтительно относился к своей матери Прасковье Фёдоровне, простой деревенской попадье, и по народному обычаю вставал перед нею на колени. Её портрет всегда стоял на его письменном столе. Фамилию Сперанский Михайло получил при поступлении во Владимирскую семинарию за выдающиеся способности (от латинского «sperare» – надеяться). Слепой дед священник научил будущего графа читать. После окончания философского класса Михайло служил учителем математики, физики и красноречия Санкт-Петербургской семинарии.

В 1795 году князю Алексею Борисовичу Куракину (Прототип князя Василия Курагина в романе Л. Н. Толстого «Война и мир») понадобился домашний секретарь для ведения переписки на русском языке. Им стал молодой преподаватель Александро-Невской семинарии Михайло Сперанский. Так юноша оказался на гражданской службе. Стал посещать театр и писать стихи. В журнале «Муза» было напечатано несколько стихотворений: «Весна», «И моё счастье», «К дружбе», «Мысли при колыбели младенца». (Возможно, Гавриил Чернышевский читал их в подшивках пензенской семинарской библиотеки). А с назначением князя Куракина генерал-прокурором Сперанский перешёл на государственную службу. Павел I за безупречную службу пожаловал молодому статскому советнику Сперанскому 2000 десятин земли в Саратовской губернии.

В 1798 году в Петербургском соборе Святого Самсона состоялся обряд бракосочетания Сперанского с англичанкой Элизабет Стивенс. Поручителем был никто иной, как А. А. Столыпин, дядя Михаила Лермонтова, впоследствии предводитель саратовского дворянства. Дочь его, Мария Афанасьевна, вышла замуж за князя В. А. Щербатова, в 1863 году ставшего саратовским губернатором. Но супружеская

жизнь Сперанского была недолгой. Через год, вскоре после рождения дочери, его жена скончалась от скоротечной чахотки, полученной в результате падения в снег с перевернувшейся кареты. Сперанский был так потрясён, что едва не покончил собой. Только любовь к дочери, названной в честь матери Елизаветой, вернула его к жизни, оставив вдовцом на всю жизнь.

Сам же Сперанский в своей жизни прошёл испытание не только славой, но и опалой. В 1812 г. по навету врагов он был выслан из Санкт-Петербурга сначала в Нижний Новгород, потом в Пермь. «Комитет охранения общей безопасности» произвёл разбирательство по делу действительного статского советника Министерства иностранных дел Христиана Бека, привлечённого к ответственности за сообщение тайной секретной дипломатической переписки государственному секретарю Сперанскому.

Кто такой Бек? И как было дело? Бек Христиан Андреевич – тайный советник, родился в 1770 г., умер в 1853 г. Родом из немецкого княжества Шварцбург-Зондерсгаузен, сын «придворного агента», Бек в молодых годах попал в Курляндию и по присоединении её к России, в 1795 г. вступил в русскую службу. В 1801 г. поступил в коллегию иностранных дел, уже в чине статского советника. В коллегии он состоял «при особой должности», как осторожно сказано в его формуляре, а именно заведовал составлением шифров для секретной корреспонденции и дешифровкой иностранных депеш. Искусство Бека очень ценили в коллегии. 25 марта 1812 г., через неделю после ссылки Сперанского, Бек был внезапно арестован и заключён в Петербургскую крепость по обвинению в тайных сношениях со Сперанским. Сношения эти заключались в следующем. В январе 1811 г., перлюстрировав одну шифрованную депешу прусского посланника, Бек открыл в

ней, к своему удивлению, такое сообщение: «Известно, что государь имеет, помимо ведома канцлера, секретную переписку с графом Нессельроде (в Париже), чрез Сперанского, а также с одним чиновником в Вене». Начальник Бека Жерве передал эту дешифровку Сперанскому, помимо канцлера. Когда Бек был арестован, поражённый незаслуженным несчастьем, он впал во временное умопомешательство, но был оставлен в крепости, и дело его передано было секретному комитету. Этот комитет постановил: «Бека, в исполнение Высочайшей воли, из-под караула освободить, взяв с него строгую подписку, чтобы он жил смиренно и ни в какие сплетни не вмешивался; полиции же иметь за поведением его надзор...» Только в июле 1812 г. протомившегося в заключении более трёх месяцев Бека освободили. Он вернулся к прежним своим служебным занятиям. В 1828 г. Бек получил чин тайного советника. Затем в последние годы своей жизни он состоял старшим советником министерства иностранных дел. Не родственник ли он саратовцу Александру Беку, писателю, автору книги «Волоколамское шоссе» о героях-панфиловцах?

Из дневника А. С. Пушкина от 2 апреля 1834 года: «В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своём изгнании в 1812 году. Он выслан был из Петербурга по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провозатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришёл просить покровительства у своего арестанта: «Ваше превосходительство! Помилуйте! Заступитесь великодушно. Эти каналы лошадей нам не дают».

И вот «государственный преступник», разрабатывавший в 1809 году проект Устава Царскосельского лицея, писавший записку государю «Об усовершенствовании общего народного воспитания», где предлагалось открытие университетов,

гимназий и училищ, щедро финансируемых из государственной казны, возвращается к государственной деятельности. «Повелеваю: тайному советнику Сперанскому быть пензенским гражданским губернатором». Указ Правительствующего Сената от 26 сентября 1816 года: «Сие Всемилостивейшего Его Императорского Величества повеление объявить с приведением к присяге».

Начались губернские преобразования Сперанского. Наведён порядок в губернском управлении: делопроизводство, ускорение рассмотрения судебных тяжб, борьба со злоупотреблениями чиновников. (Вспомнил он, как в 1807 году Александр I отдал под суд за злоупотребления властью саратовского губернатора Белякова). Вот его губернаторский план: «во всех улицах ветхие заборы должны быть исправлены и приведены в такой вид, как около дома господина губернского предводителя (Г. Д. Столыпина) и всё должно быть выкрашено жёлтой краской. Колодцы на улицах исправить! Палисады ветхие снести! Поперечные мосты в проулках сделать все одинаковые, во всю ширину улиц. Верхнюю городскую площадь выпланировать, от собора лес и кирпичи убрать, так, чтоб к 1 мая всё было чисто». Обновил он аппарат управления. Отличал людей умных и способных, вот почему он выделил Гавриилу Чернышевского и его одноклассника Козьму Репинского, который был впоследствии принят секретарём, так как мать Чернышевского воспрепятствовала сыну и убедила Гавриила отказаться от должности секретаря.

В 1816 году нового губернатора навестила бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева. После скитальческих лет ссылки Сперанскому так понравилось в Пензе, что он купил имение Хоненевку. В письме к дочери он писал: «Здесь люди предобрые, климат прекрасный, земля благословенная».

Три года прослужил М. М. Сперанский пензенским губернатором. Александр I доволен им: «Более трёх лет протекло с того времени, как призвав вас к новому служению, вверил Я вам управление Пензенской Губернией, открыв таким образом дарованиям вашим новый путь сделаться полезным отечеству». Император пожаловал 10000 десятин земли в Саратовской губернии и 4000 десятин в Чембарском уезде Пензенской губернии.

Приателем графа Сперанского был управляющий министерством иностранных дел граф Нессельроде, который по пути в свои саратовские имения заезжал к губернатору в Пензу. Был Сперанский дружен с Василием Алексеевичем Злобиным, купцом и городским главой Вольска, чей сын Константин Злобин с 1805 года жил в Вольске, торговал и писал стихи, посылая их Державину на суд. В 1810 году открыл пансион для обучения одарённых детей.

25 апреля 1819 года состоялись проводы Сперанского на новое место службы – сибирское генерал-губернаторство. Дворянство и купечество Пензенской губернии дали бал в честь Сперанского. Торжество состоялось в зале Дворянского собрания. Дом был украшен иллюминацией, над входом висел транспарант со стихами, посвящёнными М. М. Сперанскому:

*Почувствуй добра приятство,
Такой и есть души богатство...*

Нарисованы были солнце и пирамида, в основании которой даты пребывания Сперанского в Пензе. Шестого мая присутствовал он на молебне в Троицком женском монастыре. Завтрак был устроен на берегу Суры, когда он взошёл на паром, собралась вся Пенза. На пароме поплыл на другой берег. С ним и его секретарь Козьма Репинский, одноклассник Гавриила Чернышевского. Козьма Григорьевич Репинский

повторил судьбу Сперанского и дослужился до сенатора и звания тайного советника.

22 марта 1819 года Александр I подписал рескрипт о назначении М. М. Сперанского сибирским генерал-губернатором и новым её ревизором. 30 мая 1819 года Сперанский писал своей дочери из Тобольска: «И здесь, любезная моя Елизавета, то же небо, тот же благотворный свет солнечный, те же люди, смешение добра и зла...» В Сибири новоиспечённый «ссылный» губернатор восхищался: «Как велика земля Россия!.. Сибирь есть настоящая отчизна Дон Кихотов».

В конце своей жизни, так же, как и А. Н. Радищев, М. М. Сперанский составлял свод законов Российской Империи, обучал Александра II. К 1830 году под руководством Сперанского было издано 45 томов «Полного собрания законов», содержащих 42 тысячи статей об истории русского законодательства. Николай I снял с себя Андреевскую Звезду и надел её на графа. В. А. Жуковский писал Сперанскому: «Быть русским – есть уважать народ русский. Помни, что ты русский. Помни Куликовскую битву, помни Минина и Пожарского, помни 1812-й!»

Сперанский был реформатором, но не революционером. В своей государственной службе придерживался эволюционных воззрений: «Разрушив прежний порядок вещей, хотя несовершенный, но с привычками народными сообразный, если порядок, вновь установленный, не будет обеспечен разумом исполнителей, он, по необходимости, родит во всех классах народа тем важнейшее неустройство, что все, и самые обыкновенные, улучшения ему приписаны будут». Мудрая история говорит, что в революциях уничтожаются лишь социальные носители зла, но не само зло. Люди, сообразные сознанием, привычками и поведением своим с характером нового строя, не могут возникнуть разом – годом, двумя, тремя. Они взра-

циваются десятилетиями, если не столетием, постепенно, незаметно. Необходимо только создать соответствующие для этого условия. Но мало просто создать подобное состояние, необходимо поддерживать его в течение длительного времени, быть может, целой эпохи, необходимо постоянное, долговременное усилие по развитию просвещения народа, прежде чем получить нужный результат. «Можно ли обеспечить выполнение данной задачи без помощи государственной власти?» – спрашивал Сперанский.

На похоронах в Александро-Невской Лавре, где Сперанский 50 лет назад начинал свою деятельность, присутствовал император, весь царский двор и дипломатический корпус. Николай I несколько раз повторял одно и то же: «Другого Сперанского мне уже не найти».

Уже после смерти Сперанского революционный демократ Николай Гаврилович Чернышевский считал ошибочной политику его преобразований: «Он был русский сановник, и, конечно, никогда не приходила ему в голову мысль прибегнуть к замыслам или мерам, несогласными с законными приёмами и обязанностями его официального положения».

Из дневника А. С. Пушкина: «Сперанский у себя очень любезен. Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: «Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага». Он советовал мне писать истории моего времени».

Михаил Михайлович Сперанский навсегда остался героем в мировом историко-литературном памятнике – романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир», как «разумный, строго мыслящий, огромного ума человек, энергией и упорством достигший власти и употребляющий её только для блага России».